

Развилка

Где ты живешь? С кем ты живешь? А где родился и вырос...

Не хочется, чтобы спрашивали об этом. Кажется, отвечать на такие вопросы нет смысла.

Когда спрашивают адрес, можно ответить, если к тому нет препятствий. Ведь адрес нужен для получения писем и документов. Адрес зарегистрирован во множестве мест. А вот если бы можно было оказаться в изоляции, когда до тебя не доходит даже корреспонденция, то жизненные установки изменились бы коренным образом. Рука, привычно выписывающая адрес, вдруг останавливается. Лишь на короткое время. Говорят, достигнув какого-то рубежа, привычные вещи начинают казаться незнакомыми.

В романе «Удивительная история с восточного берега» Нагаи Кафу есть сцена, в которой патрульный полицейский настойчиво выпытывает у главного героя не только его имя и адрес, но и с кем тот живет. А в ответ слышит спонтанно родившуюся ложь: «С женой и матерью». Супруга и мать, жена и матушка – сам по себе такой ответ, может быть, вполне естественный для мужчины. Однако герой этой книги на самом деле холостяк, в бумажнике случайно оказываются выписка из книги посемейной записи, свидетельство личной печати и сама печать.

В какой-то момент разговор зашел о месте жительства. Собеседник знал эти места. По его словам, одно время он частенько навещался сюда и, вероятно, ему было приятно встретить того, кто здесь поселился теперь. Разговор стал более теплым. Однако постепенно он, живущий здесь, стал выпадать из беседы. Рассказ собеседника насыщался деталями. Перед глазами появилась та самая развилка. Голос его собеседника передавал атмосферу. Чувствовался даже сезон и время суток. По ходу рассказа ему, нынешнему жителю этих мест, стало казаться, что речь то ли идет о незнакомых краях, то ли он перебирает какие-то свои позабытые воспоминания, и между двумя этими ощущениями возникала брешь. В глубине души он стал ощущать, что слова собеседника основаны на реальных воспоминаниях, а его мысли лишь на знаниях, полученных от кого-то.

Поздно ночью подул ветер. Ветер рождался в горах, спускаясь с них, налетал то краткими, то долгими порывами. Когда прислушиваешься к ветру, лежа в кровати, места вокруг превращаются в то, чем были в прошлом. Широко раскинулись поля, густые чащи и рощи колышутся от ветра, выровненные участки земли снова обретают мягкие неровности рельефа. Чувство одиночества доходит до крайней точки, но вместе с тем невозможно не почувствовать покой, ведь несмотря на то, что ты так долго этого избегал, наконец, добрался туда, куда должен был. Однако даже если эти места и могли бы вернуться в прошлое, то путник из будущего, отдаленного на несколько десятилетий, не просто бы не обрел покой, а вообще бы не оказался здесь. Сюда еще не пришла молодая семейная пара в поисках жилья. Они пока даже и не знают об этих местах. Они даже еще и не встретили друг друга. Выросшие дети еще не родились. Ветер усиливается, порывы становятся длиннее, и несмотря на то, что ты находишься здесь, гораздо отчетливее чувствуешь, будто тебя нет. Убежденность в том, что ты прожил в этих местах многие годы, уступает место сомнению, будто ты еще даже не добрался до сюда.

Сквозь ветер идет высокий мужчина, его одежда словно парус надувается ветром. Между порывами он приближается к развилке. Он останавливается. Куда идти дальше ему все равно, не в силах разобраться, тянет ли его вперед, или толкает что-то сзади, ему очень

тяжело двигаться так, будто он знает направление. Он может шагать дальше, лишь поручив себя очередному порыву ветра. Он надеется, что в пути встретит развилку, которая сама по себе станет вехой на его жизненном пути, чувство тяжести уйдет, а его шаг станет вновь уверенным. Однако, он проходит через развилку, так и не заметив ее, и уходит так далеко, что уже сложно вернуться назад. Он делает шаг вперед, показывая, что оставил позади себя все оправдания, и в доказательство этому следующий его шаг становится таким решительным, что он даже начинает сомневаться, а поспеет ли и он сам, и другие теперь за такой широкой поступью.

Виден силуэт мужчины, который движется сюда. Он подходит так близко, кажется, что вот-вот будет слышно его тяжелое, похожее на стон дыхание, а затем сворачивает и уходит в сторону. В промежутках между порывами ветра он вновь выходит на ту же развилку.

Находясь на развилке, надеешься, что скоро будет конец пути.

Это была развилка Умамити. Дорога от перевала проходила через прорубленную скалу, а затем через город. Говорят, раньше в сторону порта по этой тропе шли груженные повозки с лошадьми. На развилке с правой и левой стороны сходились две одинаковые дороги. Они обе назывались Умамити. Неподалеку была маленькая железнодорожная станция с тем же названием, по однокорейке ходил состав то с одним, то с двумя вагонами.

До портового города было рукой подать, но близости моря не чувствовалось. Со всех сторон нависали горы, и какой бы ясной ни была погода, в низине всегда было сыро. Стоило миновать город, как на глаза попадались выстроившиеся на фоне гор темные сырые дома. Открывая дверь, можно было почувствовать, как в нос ударяет запах старых татами и плесени.

Асахара шел по правой из дорог в сторону города. Ему было восемнадцать лет. Несмотря на сезон дождей, утро выдалось ясным. Некоторое время назад отец вызвал его для серьезного разговора. После этого отношения с отцом испортились. Пришлось вмешаться дяде, и Асахара переселился в деревню к родственникам, жившим чуть выше по дороге от Умамити. С тех пор прошло уже три месяца.

Ненависть отца была необъяснимой. Но и у Асахары были смешанные чувства к отцу. Отцу перевалило за сорок, а его второй жене еще не было тридцати, когда у них родился сын - Асахара. Между ним и сводными братьями и сестрой оказалась большая разница в возрасте. В средних классах до него дошли слухи, что он был ребенком от первого мужа матери. Поговаривали также, что отец завел его на стороне, а женщине, у которой не было родственников, пришлось выйти замуж за его отца из-за сложной жизненной ситуации и объявить мальчика своим сыном. Местная детвора взрослеет благодаря таким небылицам о чужих семьях раньше, чем начинает интересоваться своими взаимоотношениями с противоположным полом.

Однако к тому времени, как до Асахары дошли пересуды соседей, сомнения по поводу собственного происхождения уже развеялись. В этом возрасте он украдкой посматривал в зеркало. Уловив в своем отражении то черты отца, то матери, он отводил взгляд. Мальчик был более чувствительным, чем сверстники. Мать жила с оглядкой на окружающих и держала дистанцию от всех, и от мужа, и от старших детей. Стоило ей заметить эмоции в поведении домашних, как она теряла покой. Однако внешне в их семье все было тихо. В то время его отец не был деспотичным главой семьи. Старшие дети

демонстрировали свою самостоятельность и почти не общались ни только с мачехой, но и с собственным отцом. Разница в возрасте с самым младшим сводным братом была такой большой, что они и не баловали его, и не были с ним строги. В этой семье мало разговаривали.

Члены семьи были скупы на эмоции. Что же касается воспитания младшего брата, домашние сразу поняли, что с этим ребенком нет хлопот, когда он стал чуть старше, он делал все, что должен, даже без напоминания, что удивляло окружающих. Хотя он не помнил, чтобы когда-то чувствовал себя неуютно в своем доме, он и сам толком не знал, как к нему относятся. Когда Асахаре было десять лет, старшая сестра собралась замуж, в доме разразился конфликт. Мать, у которой не было права участвовать в его решении, беспомощно суетилась в стороне, вдруг стала казаться сыну какой-то жалкой.

К тому времени Асахара уже учился в средней школе. Как-то он лежал с температурой в своей комнате и подсматривал, словно за чем-то запретным, как за обеденным столом в полном молчании сидят два взрослых старших брата вместе с матерью. Мать казалась спокойной. Среднему из братьев в то время было около двадцати лет, у него была связь с женщиной из портового города намного старше его. После того, как Асахара перешел в старшие классы, братья в течение полутора лет съехали от родителей и завели собственные семьи.

Когда Асахара дошел до прорубленной в скале дороги, его охватило удивительное чувство восторга. В сезон дождей высоко в горах то тут, то там в густых зарослях стали появляться светло-лиловые цветы. В глубине темного подлеска дрожали россыпи крошечных, размером с зерно, белых цветов. Ушей чуть касался шум прибоя. Зажатая скалами с обеих сторон, впереди была отчетливо видна развилка. Казалось, что она была так близко, стоило лишь руку протянуть, но он все никак не мог дойти до нее. Словно в дреме он думал о том, что идет по собственной жизни точно так же, как и по дороге к этой развилке.

Приближалась свадьба среднего брата. Как-то раз Асахара обнаружил на столе в пустой гостиной выписку из книги посемейной записи, выложенную для какой-то надобности. Он взял ее в руки, чтобы посмотреть, но в тот самый момент оказалось, что отец стоит в коридоре в проеме перегородки - сёдзи. Когда их взгляды встретились, отец отвел глаза и недовольно нахмурился. Асахару не особо интересовала эта запись. У него уже давно прошел интерес к выведыванию секретов. Он не помнил, чтобы когда-нибудь подробно вчитывался в этот документ, но, заметив выражение отца, который отвел от него взгляд, он вдруг с запозданием почувствовал, что такой взгляд, такое выражение он ловил на себе уже много раз. Отец прошел через комнату, ничего не сказав. Асахара собирался положить выписку на место, но его рука замерла в воздухе, и у него возникло чувство, будто он делает что-то постыдное. Хмурое выражение лица, недавно появившееся на лице отца, передалось сыну в тот момент, когда он собирался отойти от стола. В Асахаре вдруг вспыхнула такая сильная злость, существование которой он в себе и не мог заподозрить. Его взгляд стал разъяренным. Он не понимал, на кого направлена его злость, на отца или на себя. Наверное, именно тогда это чувство к отцу впервые появилось у Асахары.

Когда ему было семнадцать лет, он влюбился в девушку на класс его младше, которая училась в другой школе. Они стали частенько проводить вместе время после уроков и в выходные, что было вполне нормально для их возраста. Однако, когда об этом

услышал отец, реакция оказалась неожиданно резкой. Вызвав сына, он рассказал ему, что уже все разузнал о семье девушки, жившей на другом конце города. Он строго выговаривал сыну, ведь, по его словам, даже предсказатель судьбы увидел дурные знаки в их связи, отец настаивал на том, чтобы тот немедленно расстался с ней. И хотя плохого про эту семью так и не выяснили, Асахара, ничего не говоря, напряженно слушал о том, как отец разыскивал информацию. С того дня отношения отца и сына испортились, теперь они едва обменивались парой слов даже за обеденным столом. Мать по своему обыкновению лишь взволнованно следила за выражениями лиц обоих. Когда Асахара напомнил отцу про среднего брата и его историю со взрослой женщиной, на которую отец никак не отреагировал, тот лишь недовольно посмотрел на сына и отвел взгляд. Сын не мог сдержать злости, не понимая, за что его так бранит отец, ведь молодые люди лишь держались за руки в укромных уголках, где их никто не видел. Но это оказалось лишь незначительной историей, частой в семьях по сравнению с тем, что случилось дальше.

Как-то вечером отец бросил сыну в лицо, что женщины обладают дьявольской природой. Услышав такое о своей шестнадцатилетней подруге, Асахара был поражен и снова почувствовал ту же злость, которую впервые ощутил полгода назад. Он был уже готов броситься на отца с кулаками, как вдруг понял и ужаснулся тому, что стал таким же физически сильным, очень похожим на отца, обладавшего крупным телосложением. Посмотрев на лицо отца, он вспомнил его выражение тогда, когда стоял перед столом в гостиной с выпиской в руках. Глаза отца были широко распахнуты в гневе, уткнувшись в известный ему документ, над переносицей пролегла сердитая вертикальная морщина, губы чуть дрожали, готовые то ли разрыдаться, то ли сложиться в бессердечную ухмылку. Асахара молча вышел из комнаты.

С того дня отец в сильнейшем раздражении кидал такие фразы, как женское беспутство и вероломство, однако, словно прикрывая свои эмоции, он порой произносил это себе под нос, порой говорил с неприкрытой иронией. Каждый раз слыша его слова, Асахара дрожал от унижения. Если бы он попытался дать отпор отцу, тот бы поставил его подругу в ряд с теми же женщинами, о которых говорил гадости, поэтому сын молчал, лишь гневно глядя в ответ, а глаза отца все больше застилала пелена эмоций. По выражению лица сына было непонятно, думает ли он о своей подруге. Словно бы перед глазами у него и не было ее образа. Сын выглядел так, будто никогда и не видел ее.

Как-то раз отец сказал, мол, эти женщины с самого начала все знают, но претворяются ничего не знающими, поэтому с ними столько проблем. В этот момент сын посмотрел в его лицо, охваченное возбуждением, недоумевая, о какой же женщине отец сейчас говорит.

Но все же слова обладают страшной силой. Даже если бы он мог спокойно выслушивать слова отца, то не смог бы, подобно мальчишке, желающему казаться старше, сказать никакой банальности, унижающей женщин. Сын пытался защитить себя тем, что даже и пальцем не коснулся своей подруги, но из-за слов отца он видел где-то вдали, куда ему было не добраться, образ неизвестной женщины. Эта женщина, лица которой он не мог разобрать, являлась к нему даже во сне и упрекала еще больше, чем отец. Она бранила его, что было сил, и стоило ему попытаться сделать по-своему, как она хмурила брови, словно бы «с самого начала все знала».

Но больше, чем на отца, Асахара злился на свою мать. Во время той истории со средним братом, она выглядела спокойной, и, не поддаваясь панике, терпеливо ждала,

когда чувства брата улягутся. В результате, брат сказал, что принимает решение не ради отца, а ради матери. Но теперь она вновь, как и прежде, стала слабой и безвольной, и не просто не знала, что делать в минуты гнева отца, но и каждый раз, когда он выкрикивал оскорбительные слова, которые было тяжело выслушивать, лишь робко опускала голову. Сыну казалось, она стыдится того, что сама является женщиной, и не просто мрачнеет, это чувство словно бы полностью сдает ее. Боясь, что между сыном и мужем случится нечто непоправимое, она лишь продолжала болтать о каких-то незначительных пустяках.

Иногда ему казалось, что мать выглядит так понуро из-за беспочвенных обвинений отца. Терпя ненависть отца, он пытался не думать, что же в прошлом было между родителями, но в какой-то момент поразился, ведь не случилось между ними связи, он бы не родился на свет. А мать только и делала, что повторяла все время, извинись, да извинись перед отцом.

Он встречался с той девушкой примерно каждые три дня. Асахара не рассказывал ей, что происходило между ним и отцом, все больше молчал. Да и его подруга говорила меньше, они перестали держаться за руки, прощались раньше, чем прежде и сразу же расходились по домам. При каждой встрече Асахара обращал внимание, что теперь настороженно следит, не стремиться ли она к близости. Подобное толкование было неверным, но стоило ему вспомнить о молчании, которое порой рождалось между ними, как он мрачнел, ведь он сам не знал, что может выкинуть, если даст волю чувствам. Прежние подозрения, что с его рождением связана какая-то тайна, вновь ожили, он повсюду пытался найти какие-то объяснения, но при этом видел, что даже походкой стал походить на отца.

Однажды дядя, который был младше отца на десять лет, случайно оказался свидетелем очередной стычки между отцом и сыном. Молча выслушав, как бранится его старший брат, он незаметно вызвал племянника на улицу. Шагая рядом с ним, дядя утешал его, говоря, что племянник хорошо еще держится, что виной всему возраст, ведь его брату уже за шестьдесят. Он говорил, это, вероятно, наследственное, ведь и их отец примерно в том же возрасте стал совершенно другим человеком. Со своим дедом дядя не встречался, но по словам родственников, и с тем случилось то же самое. Сейчас земельный участок с домом уже совсем маленький, а при деде он был огромным, к пятидесяти годам в семье был достаток и благополучие, однако когда деду перевалило за шестьдесят, он почему-то стал ужасно несправедливым во всем, что касалось женщин, не важно кем и откуда она была, и по этой причине между ним и сыновьями то и дело вспыхивали ссоры. Соседи поговаривали, что такие перемены – это наказание за деяния в молодости, но дядя говорил, что не понимает, почему ростовщичество и скупка земель могли привести к тому, что в зрелые годы дед стал так ненавидеть женщин. Дядя добавил, что теперь переживает за здоровье старшего брата. По его словам, их отец, да и их дед недолго прожили после тех перемен, которые с ними произошли.

Из этого разговора Асахара так и не смог понять, что творится с отцом. Но сам рассказ почему-то оказался убедительным, и Асахара стал более спокойно относиться к отцу. Он даже стал ждать удобного случая, чтобы помириться с ним. А отец тем временем стал отводить взгляд от сына. Приходя в ярость, он звал к себе сына и строго выговаривал ему, сын ждал, пока отец не начнет свою любимую тему, как вдруг во взгляде отца появлялось беспокойство, и он отводил глаза. Сын предполагал, что своей спокойной реакцией пугает отца, однако как-то вечером, когда отец в очередной раз отвел глаза, в этом безразличном взгляде он поймал что-то знакомое. Когда он отвел глаза от своего младшего

сына, читавшего посемейную запись, у него был другой взгляд. Когда-то давно старший брат вернулся домой поздно ночью. Даже ученик средник классов способен был понять, что в такой час брат вернулся со свидания с женщиной. Судя по выражению на лице матери, спокойно встретившей брата, она это тоже понимала. Отец вышел из большой комнаты. И вот тогда у него был точно такой же взгляд. Именно благодаря этому взгляду Асахара впервые явственно представил, что значит связь между мужчиной и женщиной.

Отвращение, которое было в том взгляде, сейчас было обращено на него самого. Асахара несколько раз посмотрел на выражение глаз отца, ошибки не было. Встречи с той девушкой в силу и других обстоятельств стали еще реже. Даже когда они были вдвоем, теперь они оба держали дистанцию. В беседах словно бы избегали каких-то запретных тем. Отец не вызывал его к себе сразу же после возвращения со свидания. Однако каждый раз, когда отец отводил от него взгляд, молодой человек понимал, что тот чувствует такой же запах, который был у брата после встречи с женщиной. С невинных отношений влюбленных сорвали покров, а под ним обнажилась кожа женщины. Отец горестно тогда сказал, повернувшись спиной к среднему сыну, что с таким взглядом он ради женщины, наверное, готов убить и родителей. Асахара не знал, что про его отношения надумал себе отец, но, если припомнить, что в конце сказал ему дядя, это было плохим знаком для отца. Прошло несколько дней, как они не встречались даже взглядами, после чего отец сказал нечто совершенно неожиданное.

Когда ты рядом, матери неприятно, она плакала и говорила, что стоит тебе подойти к ней, как ее озноб пробирает.

Услышав это, он впервые понял, что отцом движет не ярость, а безумие. Его охватило смешанное чувство, то ли страх, то ли раскаяние, ведь происходило именно то, чего так боялся его дядя. Ему было сложно разгадать чувства отца по его выражению, и он в поиске поддержки посмотрел на мать. Слыша бранные речи мужа, она склонила голову, словно бы эти слова обращены к ней, однако что-то было непривычное в ее облике. Вглядевшись внимательно, он увидел, что, низко наклонив голову, она аккуратно положила обе руки на колени, а в ее осанке было спокойствие, казалось, что она со всем смирилась и обрела покой. Сомкнутые губы словно бы говорили, что она не будет вмешиваться в ссору. Асахара вспомнил трагичный взгляд матери, которая несколько минут назад приходила к нему на второй этаж, чтобы сообщить о том, что его зовет отец, и, ступая по скрипящим циновкам-татами, вышел из комнаты.

Сердце сына оказалось во власти злых помыслов. Он понял, что они наполняют сердце так же, как и чистота. В нем теперь не было ни ненависти, ни злобы. Не было и страданий. Его сердце было наполнено злыми помыслами. Оно было залито ими до краев, на поверхности даже не возникало ряби. Стоило поменять полярность этой эмоции, и она превратилась бы в чувство умиротворенности. Ситуация дома не менялась. Даже наоборот стало гораздо спокойнее, чем обычно. Его поведение день ото дня становилось все более взрослым. Возможно, он вышел из мальчишеского возраста и стал молодым мужчиной. Даже встречаясь с родителями за одним столом, он не говорил больше ни слова. Он молчал не из чувства напряженности. Это была его реакция на то, что его существование отрицают, и ни один нерв в нем при этом не дрожал. Он не оставлял родителям даже шанса, чтобы сделать ему хоть какое-то замечание.

Молча пережевывая свою еду в присутствии родителей, он с удивлением думал, ведь он даже не сомневается в том, что причиной всей истории не является он сам, ему было

неприятно придумывать полумеры, сожалеть о том, что уже решено или пытаться что-то повернуть вспять, в душе не возникало никакого волнения. Казалось, что родители, сидевшие напротив сына, продолжавшего есть с аппетитом, таят на глазах. Как-то раз в ясный день во время завтрака перед его глазами возникла страшная, как кошмар, картина. Ему вдруг показалось, что это не он, а какой-то чужой гость крупного телосложения, который в какой-то момент поселился в их доме, а теперь пытается отобрать и место хозяина. В тот момент Асахара подумал, то, что наполняет его сердце до краев, все же есть страх. Ему стало бросаться в глаза, как исхудали лица родителей, которые старались сохранять спокойствие. И тогда в эту историю встрял его дядя.

Когда вместе с дядей они ушли из дома и добрались до развилки Умамити, тот сказал, что уже не первый раз берет племянника с собой в деревню, расположенную выше по дороге. В детстве Асахара частенько гостил у этих родственников и привык к ним, хотя совершенно не помнил, чтобы ездил туда с дядей. Дядя рассказывал, что мальчику было тогда года полтора, и он привез его в тележке. Он добавил, что до сих пор хорошо помнит, как племянник сидит в тележке на горке набросанных матрацев и внимательно глазет по сторонам. С этими словами он показал, как в тот осенний вечер слегка обернулся назад между двух оглоблей тележки, чтобы посмотреть на ребенка. А теперь перед его глазами в это весеннее утро была развилка. Дядя рассказывал, что тогда умер дед, и сестры умершего стали пугать историями о том, что в ребенка может вселиться дух покойного, мать и Асахара на некоторое время переселились к родне в соседнюю деревню. Тогда дяде было за тридцать, он едва сводил концы с концами и жил в городе, откуда его вызвали и поручили уладить это дело и забрать ребенка, обещав, что решение о лишении его наследства пересмотрят. Ничего не понимающий малыш, которого везли на тележке, выглядел жалко. Но вел себя так тихо, что время от времени дяде приходилось оборачиваться, и тогда он видел, с каким удивлением тот поглядывает по сторонам. Он не выглядел испуганным. К слову сказать, даже когда его мать теряла самообладание, этот малыш почти никогда не плакал. Казалось, что он все держит в себе, отчего дядя жалел его еще больше. Разом поднявшись наверх через прорубленную тропинку в скале, дядя тогда посмотрел на гору по правую руку и сделал передышку. Почти вся гора до вершины уже была в тени, и лишь одно место на хребте сверкало красным цветом в лучах заходящего солнца. Знаешь, что это там за деревья, - спросил дядя и обернулся на ребенка, взгляд которого был прикован к краснеющим кленам.

Дядя сказал, что Асахара может остаться в деревне до следующей весны, когда его отправят в университет. А после старший брат, живший в соседнем городе, будет ездить отсюда на работу и перевезет сюда свою семью. В знакомой ему комнате с низким потолком на втором этаже Асахара сразу же почувствовал себя спокойно. Хозяин дома сразу предался воспоминаниям о том, как тем осенним вечером дядя привез сюда малыша в тележке, как тот без стеснения быстро вошел в дом, и даже о том, как они с женой подумывали оставить его насовсем у себя. Асахара тогда сказал по-взрослому, мол, у вас же и своих детей-школьников было трое, и, если бы вы оставили меня здесь, это доставило бы слишком много хлопот.

Все домашние проблемы остались позади. Словно бы развилка Умамити, которую они пересекли с дядей, стала границей, так казалось Асахаре, который вновь засомневался в собственных чувствах. По пути в школу он проходил через эту развилку. Стоило пройти еще немного, как сразу же был бы виден его дом. Он избегал этой дороги и после развилки переходил через железнодорожные пути, чтобы не оказаться рядом с домом. Поскольку его

выставили из дома, такое поведение ему казалось естественным. Через пару недель дядя появился в деревне и спросил, ходил ли Асахара домой. Асахара решил, что дядя осуждает его за то, что за все это время он так и не проведал родителей. Вот как, — сказал дядя. Правильно, что не ходил, лучше некоторое время дома не появляться. Когда он спросил о причинах, дядя ответил, что через месяц все уляжется, однако злость отца на сына не проходила. Днем он ходил угрюмым, а ночью после того, как уже ложился спать, вдруг вскакивал и почему зря ругал мать за то, что Асахара стал таким наглецом. Отец даже говорил, что теперь сыну никто не указ, и неизвестно, что он может вытворить. Но и это еще не все. В прошлое воскресенье отец поднял шум, объявив, что сын на рассвете тайно пробрался в дом и рыскал по нему в поисках чего-то.

Асахара потом понял, что дядя ушел от отца, так и не развеяв сомнений, правда ли это или нет. Пока он думал, смог бы он и правда пробраться домой тайно на рассвете, даже если бы обнаружил, что оставил дома какую-то крайне необходимую вещь, дней через десять опять появился дядя, вывел Асахару на улицу и, покачивая головой, сказал, что все совсем не так, как он предполагал. В доме родителей и входную, и заднюю дверь по ночам перекрывают изнутри поперечиной. Со страхом в голосе дядя сказал, что и его дед перед смертью делал то же самое. Кажется, старшего брата обуяли фантазии, что все свое имущество, которое он с таким трудом накопил, решит отобрать какой-то из мужчин его семьи, будь то сын или кто другой, потеряв голову от женщины. Дядя словно бы размышлял вслух сам с собой, забыв на некоторое время про то, что рядом с ним Асахара. Наконец, заглянув в лицо племянника, он пробормотал, ведь ты же еще не в таком возрасте, чтобы потерять голову из-за женщины, ты не должен представлять для него угрозу. А потом несколько раз добавил, что ему ни в коем случае нельзя приближаться к дому и показываться отцу на глаза, быстро ушел.

По пути в школу ему приходилось делать довольно большой крюк, чтобы не проходить мимо развилки Умамити. С наступлением ночи он все думал о той поперечине, которую ставят на дверях в его доме, знакомом ему досконально. Эта предосторожность, граничащая с безумием, не давала ему покоя. Как-то вечером на его мрачном лице появилась чуть заметная улыбка. Обе двери-то они перекрыли, но ведь с задней стороны дома оставались расхлябанные ставни от дождя. Как-то раз, несмотря на то что все двери были закрыты, утром средний брат оказался безмятежно спящим в своей комнате, загуляв допоздна. Родители тоже должны были это помнить. Выходит, дом был заперт ненадежно, и они понимали странность всей этой ситуации. И от этого черная блестящая поперечина-коромысло, поставленная наискосок двери, казалась чем-то вроде заклинания против злых духов. Асахару трясло от мысли, насколько враждебно настроены родители, однако улыбка при этом не сходила с губ.

Можно было и не таиться, и не отодвигать ставни с задней стороны дома. При таких замках, если бы он захотел, то мог бы легко войти и через центральный вход. Несколько раз по ночам он бормотал это незнакомым для себя голосом, уже лежа в постели. Но никаких чувств это не вызывало.

Прошло еще пару недель, дядя опять вернулся от отца. По его словам, тот стал заявлять, что младший сын рожден не от него. У матери уже не было сил оправдываться. Любому было ясно, что и лицом, и фигурой сын был как две капли воды похож на отца. Когда Асахара появился на свет, дядя жил в городе, поэтому не мог с уверенностью утверждать, что и как. Но и дядя, и тетя в один голос с улыбкой говорили, что это абсолютно невозможно, а отец прежде еще ни разу не высказывал подобных подозрений. Сомнений не

было: все это были большие фантазии отца. Но, как говорил дядя, его старший брат уже зашел в своих обвинениях слишком далеко, и ему бы не хотелось, чтобы это сильно отразилось на племяннике. Поэтому дядя решил больше не передавать слова отца. Ты ни в чем не виноват, я это понял, поэтому не терзай себя, - добавил он примирительно. Не беспокойся за отца, пока речь не заходит о тебе, между отцом и матерью отношения такие же, как и всегда, и, когда он успокаивается, то в доме царит тишина и порядок, - сказал он с улыбкой и ушел.

В семье родственников младшая дочь училась в третьем классе, она часто приходила в комнату на втором этаже, и, пока Асахара занимался за столом, садилась на татами за его спиной и молча читала книги. Как-то раз она неожиданно спросила, а был ли он когда-нибудь в пустыне. Когда он ответил, что не был, она опять спросила, а видел ли он когда-нибудь оазис. Удивившись череде странных вопросов, он обернулся, как она опять спросила, а видел ли он когда-нибудь мираж. У нее был очень серьезный вид. Не было похоже, что она пытается показать, насколько много знает. Она задавала вопросы. Ему никогда не приходилось ездить никуда кроме школьной экскурсии, признался он, предваряя новые вопросы, но она вновь задавала неожиданный вопрос, а был ли он в Индии? Нет. А видел ли он большие цветы лотоса? Вопросы следовали друг за другом. Был ли он в Африке? Видели ли он пигмеев? Он впервые почувствовал смущение оттого, что еще не объехал весь свет. Постепенно, отвечая на вопросы, он стал рассказывать о том, что читал в книгах, о том, что узнал от других, все, что приходило на ум, и его рассказ становился все более развернутым и складным.

Утром он уходил в школу, девочка перестала к нему заходить, ему нужно было сосредоточиться на подготовке к вступительным экзаменам, к тому же приходилось общаться с семьей родственников, и времени для размышлений почти не оставалось. Однако с наступлением ночи он думал, ставят ли родители по-прежнему поперечину на дверях, эти мысли ввергали его в бездонную тоску, и он думал о лице девочки, задававшей вопросы. Порой он чувствовал разочарование в себе, ведь он рассказывал ей истории, а сам не был дальше развилки Умамити. Однако порой он представлял, что исполняет ее мечты, и после длительных путешествий по миру встречает человека, который не был дальше развилки. От этих фантазий на душе становилось немного печально, но приятно.

Иногда ему снилась развилка. Он видел лишь ее, но казалось, что там что-то произошло, хотя людей не было. Возможно, что-то еще только должно было произойти, он смотрел на развилку от тропинки между скал, а его собственная тень становилась все бледнее.

На этой развилке его окликнули, и, перебросившись с другим путником парой слов приветствия и о том, какая чудесная погода, Асахара прошел мимо. До родительского дома, если идти по прямой, оставалось всего десять минут. Удивительное чувство восторга, охватившее его, когда он дошел до прорубленной в скале дороги, так и не отпускало. За его спиной над долиной порхало множество светло-лиловых бабочек. В глубине темного подлеска дрожали белые звездочки. Доносился громкий ритмичный шум прибоя. Направляясь к развилке, молодой мужчина, который думал, что никогда до туда не доберется, все же делал уверенно вперед шаг за шагом, чтобы сделать то, что должен был. Приблизившись к родительскому дому, он уже спиной чувствовал, что отдаляется от границы, которую пересек.

Остановившись у ворот дома и посмотрев на табличку с именем, он почувствовал, что за эти три месяца, что не был дома, он стал намного крупнее. Длинные руки были опущены вдоль тела. Ладони полуоткрыты, словно только что сжимали что-то. Руки были большими.

Подул ветер, волной пробежал со стороны развилки Умамита по деревьям на горе за домом, переворачивая листья. Он вошел в ворота с таким чувством, будто все уже закончилось, и даже это его действие уже превратилось в воспоминания. И все же я скоро забуду обо всем этом, - обернувшись к развилке, прошептал он. Запомни меня таким, какой я сейчас. Он немного наклонил голову вперед.

Увидев Асахару в дверях дома, отец со страшным лицом стал вопить что есть мочи, что не знает, кто он такой, и чтобы он убирался вон из дома. Тяжело дыша, он стал сползать на пол, пока его не подхватила мать и не уложила себе на колени, а потом с мольбой в глазах посмотрела на сына, взглядом веля ему быстрее бежать отсюда.